

Авторское дело – сторона

Олег Зайончковский: «Хочу быть и шизофреником и москвичом»

Писатель Олег Зайончковский живет в подмосковном Хотьково. Прежде работал на заводе, слесарем-испытателем ракетных двигателей. Но последние годы занимается исключительно литературным трудом. Роман в новеллах «Сергеев и городок» вошел в финальные списки «Букера-2004» и премии «Национальный бестселлер». Выходящий сейчас в «Издательстве ОГИ» роман «Петрович» фигурирует в «длинном списке» Букеровской премии уже этого года. На днях в сетевом литературно-философском журнале «Топос» была опубликована драма Зайончковского «Где любовь, тут и Бог». Словом, литературные дела идут, и с них мы начали разговор с писателем.

– Олег, вы хитрый человек? Вы вот дважды заранее угадали лауреатов литературных премий – Букеровской и «Национального бестселлера»: соответственно Василия Аксенова и Михаила Шишкина. Насколько предсказуемой вы считаете литературную ситуацию (как в рыноч-

ном, так и в творческом смысле)?

– Я не хитрый; я человек скорее интуитивного склада. Хотя для того, чтобы в прошлом году «вычислить» Аксенова, не нужно было ни хитрости, ни интуи-

гим: жил в Подмоскowie человек, захотелось ему записывать осмысленное-прожитое, он пишет, самому нравится... Но дальнейший путь – до издательства, книжки, премий – каков он?

Я оказался в ситуации бойца-ополченца, который учился стрелять в ходе боя. Что ж, главное – я выжил

ции. Что касается литературной ситуации, то ее у нас (по моему интуитивному ощущению) единой нет. Есть несколько литературных ситуаций, каждая из которых предсказуема (наверное) в рыночном отношении и непредсказуема в творческом. Там, где вообще можно говорить о творческой составляющей.

– Расскажите вкратце свою литературную историю. По моему ощущению, писатель Зайончковский появился абсолютно внезапно. Это вообще, думаю, интересно мно-

– Действительно, все происходило очень быстро, я бы сказал, лавинообразно. Хорошо это или плохо? Для дела хорошо, конечно; ведь я, как говорите, поздно начал, и у меня нет времени на раскачку. Для психики – дискомфорт. Я оказался в новой для себя жизненной ситуации, не будучи к ней никак подготовлен. Вроде бойца-ополченца, который учился стрелять в ходе боя. Что ж, главное – я выжил. Мне очень повезло, что я со своими рукописями попал в ОГИ. Это издательство – не контора, но часть некоего

Не хитрый, но интуитивного склада человек.

Фото Александра Марова

литературного круга (литературной ситуации, если хотите). Например, с ОГИ тесно связан клуб «Билингва» на Чистых прудах, где я впервые живьем увидел своих читателей. От издателей я получил не только деловую поддержку, но и моральную, что сильно упростило мое «волитературивание».

– Ваша проза достаточно иронична, в ней много игры, и прежде всего, мне кажется, игры с читателем. Насколько вы вообще задумываетесь о читателе, когда пишете? Он для вас собеседник или участник вашей игры?

– Не реальный, но условный мой читатель – мое подобие; это значит, что мы с ним общаемся на равных. Вряд ли такой читатель позволит водить себя за нос, но он, безусловно, способен на непрямое прочтение. Вообще, по-моему, элемент игры с читателем – вещь не лишняя в художественном тексте. А вот заигрывать не надо – например, с читательским интеллектом.

– А как вы пишете: у вас есть заранее план, сюжет повествования или герои и ситуации, рождаясь на бумаге, сами начинают определять дальнейшее свое бытие?

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2